

Пройдя через различные довольно спокойные аттракционы, они оказались совсем недалеко от дома с привидениями. Стоило Лу Нин увидеть его, как она воодушевилась и тут же потащила всех вставать в очередь. В полной противоположности Хэ Чжэнсюаню, Лу Нин безумно любила подобные щекочущие нервы развлечения, из-за чего Е Кэ невольно подумал, что эта на вид такая послушная и милая девчонка в душе на самом деле настоящая бунтарка.

Не успел он последовать за ней, как, обернувшись, увидел, что Хэ Чжэнсюань в ужасе устоялся на устрашающую вывеску дома с привидениями, а на его лбу уже всюду выступал пот.

Т-т-тоже мне развлечение... — заикаясь, выдавил он. — Что хорошего в таких местах? Сразу видно, что призраков изображают люди, да и всяких механических ловушек полно. Скучотища! Вы что, серьезно собрались туда идти?

Услышав это, Е Кэ еще ничего не успел ответить, как Лу Нин, сделавшая уже пару шагов вперед, тут же резко обернулась. Увидев бледное, хуже всякого призрака, лицо Хэ Чжэнсюаня, она мгновенно развеселилась. В ней разыграл дух озорства, и она нарочито небрежно бросила:

Эй-эй, неужели ты испугался? Надо же, я — хрупкая девушка, и то не боюсь, а ты, такой здоровенный мужчина, и вдруг боишься призраков! Скучно, ну просто до умопомрачения скучно...

К-кто испугался? — Хэ Чжэнсюань хоть и начал запинаться, но продолжал упрямо стоять на своем, особенно когда заметил, что Е Кэ тоже посмотрел на него. — Да я обожаю всякую нечисть!

Хорошо-хорошо, раз не боишься, тогда пошли! Кто первый закричит, тот трусливая собака! Посмотрим, кто быстрее доберется до другого конца дома с привидениями!

С этими словами Лу Нин заливисто рассмеялась и побежала вперед. Хэ Чжэнсюань бросил взгляд на стоявшего рядом и до сих пор не произнесшего ни слова Е Кэ, упрямо задрал подбородок и крикнул:

Подумаешь! Кто тебя боится?! — и бросился в погоню.

Приходилось признать, что в определенном смысле главные герои отлично подходили друг другу.

Е Кэ с удовольствием наблюдал за этой картиной и последовал за ними.

Кто бы мог подумать, что, стоило ему подойти ко входу в дом с привидениями, как оба главных героя бесследно исчезли. Улыбвшись, он некоторое время подождал у входа, предвкушая начало их сюжетной арки, и наконец шагнул внутрь. Перед глазами мгновенно погрузилось во

тьму.

Е Кэ как раз мысленно обменивался с Туаньтуань репликами о том, что этот этап прогресса можно считать выполненным на сто процентов, как вдруг из темноты молниеносно высунулась чья-то ледяная рука и крепко схватила его за запястье. Е Кэ еще не успел пустить в ход кулаки, как рядом раздалось торопливое бормотание:

Как медленно... Я жду тебя здесь уже целую вечность! Кхе-кхе, только не думай, что я трусил и побоялся зайти один, я просто ждал тебя... чтобы защитить! Да, именно для того, чтобы защитить тебя! — с этими словами чужая рука сжалась еще крепче.

Ощувив силу этого рукопожатия и услышав знакомый голос, Е Кэ попытался выдернуть руку, но не смог. На его лбу мгновенно проступил нервный крестик.

Где Лу Нин?!

Она убежала. Очень быстро, в мгновение ока скрылась, я даже окликнуть ее не успел...

Но вы же собирались соревноваться? — сквозь зубы процедил Е Кэ, выслушав собеседника. — Если она доберется до конца первой, ты же проиграешь!

Проиграю и ладно, все равно никакого наказания нет. Хватит, прекрати болтать, пошли скорее! А не то она вернется искать нас!

С этими словами Хэ Чжэнсюань потащил Е Кэ за руку вглубь дома с привидениями, а Туаньтуань тем временем принялась названивать ему прямо на ухо, сообщая, что шкала прогресса сюжета только что подскочила на пять процентов, и настойчиво подначивая его напеть ту самую мелодию.

Е Кэ остался глух к ее уговорам.

Однако Хэ Чжэнсюань сжимал его руку все крепче и крепче — так сильно, что стало больно. В тот же момент Е Кэ услышал, как у того от страха стучат зубы.

Он уже открыл было рот, чтобы велеть Хэ Чжэнсюаню ослабить хватку, как вдруг откуда ни возьмись выскочил сотрудник дома с привидениями. Е Кэ еще не успел среагировать, как почувствовал, что его руку кто-то резко дернул вверх, так что тыльная сторона ладони вплотную прижалась к чужим губам, задев чьи-то зубы.

А-Сюань...

С низким рычанием произнес Е Кэ. Работник же, сообразив, что Хэ Чжэнсюань и впрямь до

смерти перепуган, хихикая, подался ближе. Хэ Чжэнсюань с воплем развернулся и крепко прижал стоявшего рядом Е Кэ к груди.

Сотрудник попытался ухватить Хэ Чжэнсюаня за руку, отчего тот едва не запрыгнул Е Кэ на спину, одновременно срывающимся на плач голосом жалобно позвав маму.

Услышав этот призыв, Е Кэ скосил глаза на зажмурившегося Хэ Чжэнсюаня, мысленно вздохнул, бросил на работника суровый взгляд, крепко взял Хэ Чжэнсюаня за руку и тихо запел мягкую мелодию, положенную по сюжету.

Хэ Чжэнсюань мгновенно распахнул глаза и недоверчиво уставился на стоявшего рядом Е Кэ. Лицо Е Кэ находилось так близко, что падавший откуда-то сзади мертвенно-зеленый свет вовсе не делал его жутком — напротив, он казался мягким, едва заметным сиянием, подчеркивающим черты лица.

А знакомое до боли чувство в груди едва не захлестнуло его с головой: почему ему кажется, что он уже слышал эту мелодию? Почему эта сцена кажется ему такой до боли знакомой?

Напевая мелодию, Е Кэ услышал радостный возглас Туаньтуань: прогресс увеличился еще на пять процентов и теперь составлял ровно тридцать процентов!

В глазах Е Кэ на мгновение мелькнула и тут же погасла искорка улыбки.

Опомнившийся Хэ Чжэнсюань как раз перевел взгляд вверх и заметил эту улыбку. Его глаза непроизвольно опустились на губы Е Кэ, и он сглотнул вставший в горле ком.

Я просто... попробую...

Только разок.

Именно поэтому, когда Е Кэ уже собирался сказать ему, что пора идти, оказавшийся совсем близко Хэ Чжэнсюань вдруг наклонился и легко чмокнул его в губы. Остолбенел не только Е Кэ, но даже отступивший назад сотрудник дома с привидениями.

В наше время даже во время работы в комнате страха приходится терпеть чужие нежности? И ладно бы от обычной парочки, но тут — два парня! Мать честная, да он еще когда они зашли заподозрил неладное: за ручки держались... Совсем ослепить его решили своими сантиментами!

Хэ Чжэнсюань, распробовав поцелуй и оставшись вполне доволен вкусом, облизнул губы и уже собирался заключить Е Кэ в объятия, чтобы как следует поцеловать его, как в следующую же секунду Е Кэ со всей силы оттолкнул его от себя.

Пошел к черту!

Бросил он и зашагал вперед.

Эй, погоди... — с досадой окликнул его Хэ Чжэнсюань, но Е Кэ даже не подумал остановиться.

Когда они наконец вышли из дома с привидениями, ожидавшая их снаружи Лу Нин тут же окинула взглядом угрюмого Е Кэ и сиявшего от радости Хэ Чжэнсюаня и с любопытством спросила, что произошло.

Е Кэ промолчал, зато Хэ Чжэнсюань продолжал глупо хихикать во весь рот.

Вообще-то быть геем не так уж и плохо. По крайней мере, когда целуешь его, на душе становится так хорошо, просто словами не передать. Вечером, обязательно надо будет снова попытаться поцеловать его, на этот раз подольше — а то в первый раз он даже распробовать ничего не успел, как этот вредина его оттолкнул.

Исполненный грандиозных планов, подумал Хэ Чжэнсюань.

Кто бы мог подумать, что по возвращении домой Е Кэ заперлся на замок. Поцеловав запертую дверь, разочарованный Хэ Чжэнсюань нехотя улегся спать прямо на коврик в коридоре. На следующее утро, когда Е Кэ распахнул дверь, Хэ Чжэнсюань вместе со всем одеялом рухнул прямо ему на ноги. Застигнутый врасплох Е Кэ пошатнулся и едва не упал, после чего разъяренно закричал:

Ты что творишь?!

Сонный Хэ Чжэнсюань, увидев, что дверь открыта, а Е Кэ сидит прямо перед ним, да еще и позволяет обнимать свои ноги, тут же попытался пристроиться и полезть наверх, за что получил смачный пинок прямо в лицо.

В конце концов Хэ Чжэнсюань со слезами на глазах и с синяком провожал Е Кэ до двери, заслужив насмешки вышедшей на работу соседки Лу Нин.

После этого все его помыслы сосредоточились исключительно на двери спальни Е Кэ. Обклеив ее по периметру толстым слоем прозрачного скотча, дождавшись глубокой ночи, когда Е Кэ уснет, он осторожно приоткрыл дверь и воровато проскользнул внутрь.

Но стоило ему сделать и пару шагов по направлению к кровати, как Е Кэ мгновенно щелкнул выключателем.

Пошел к черту!

От этого грозного рыка проснулась даже спавшая за стенкой Лу Нин.

С тех пор между ними развернулась настоящая война умов и стратегий за оборону спальни. Е Кэ никак не мог взять в толк, откуда у этого парня такая мания — с упорством, достойным лучшего применения, пытаться проникнуть в его комнату. Одержимость Хэ Чжэнсюаня давно перешла все границы и казалась просто пугающей.

Туаньтуань, услышав мысли Е Кэ, беспечно качнула антеннкой-чубчиком на макушке:

Подумаешь, какая невидаль! С чего ты взял, что он одержим твоей спальней, папа? Он одержим твоей задницей! Мужики — такие затейники... Ой, папа, сдался бы ты ему, а? Закончили бы с ним оставшиеся сцены главных героев, и дело с концом! Говорят, по сюжету героине потом прямо в лицо швырнут чек со словами: «Оставь моего сына, бери сколько хочешь!» Эх, папа, может, уступишь ему? Глядишь, получив желаемое, он перестанет так фанатично преследовать тебя, а то ведь мается бедняга только потому, что никак не может добиться своего...

Слушая нравоучения этой умудренной опытом рисовой лепешки, Е Кэ почувствовал, как его лицо чернеет от злости.

Заткнись!

На следующий день он обнаружил, что Хэ Чжэнсюань где-то раздобыл фильм для взрослых с участием исключительно мужчин и врубил его на домашнем проигрывателе на полную громкость. Стоны и охи едва не выбили окна в квартире. Посмотрев на ошеломленное, изумленное и испуганное лицо вернувшейся вместе с ним Лу Нин, в глазах которой читалось немое «ого, Е Кэ, а ты, оказывается, вон какой», Е Кэ с размаху врезал ногой по двери собственной спальни.

Пошел к черту! — взревел он на весь дом, обращаясь к сидевшему с абсолютно блаженным видом Хэ Чжэнсюаню.

Тот в панике выронил из рук пачку чипсов, в два счета подскочил к телевизору, судорожно вырубил его и виновато уставился на разъяренного Е Кэ. Он посмотрел на Е Кэ, который перед ним чуть ослабил галстук, растрепал волосы, обнажив изящные ключицы, и с покрасневшими щеками выглядел невероятно соблазнительно, сглотнул слюну и, словно о чём-то подумав, мгновенно загорелся в глазах.

— Давай... давай... давай попробуем? Я уступлю тебе верх!

— Замолчи.

— Если боишься устать, сверху могу быть я!

Хэ Чжэнсюань пылал страстью.

— ...Проваливай.

Е Кэ уже почти разучился злиться на этого человека: в конце концов, вечно злиться и злиться было слишком утомительно, его это уже порядком изматывало.

Просто он никак не мог взять в толк: с чего это вдруг данный субъект стал геем так естественно и непринуждённо? Он прекрасно помнил, что до потери памяти тот менял девушек пачками, и даже отец Хэ был крайне недоволен его личной жизнью, неоднократно отчитывая сына. И что в итоге? Тот продолжал вести себя по-прежнему. Самый вопиющий случай произошёл, когда он умудрился за месяц сменить трёх девушек — словом, описать это словами было сложно.

Впрочем, было у него одно достоинство: сколь бы ни были короткими его романы, он всегда честно встречался лишь с одной женщиной за раз, к тому же вёл себя невероятно щедро. Благодаря этому девушки охотно заводили с ним отношения и даже гордились тем, что встречаются со старшим молодым господином семьи Хэ.

И как такой человек вообще мог стать геем? Да ещё и с такой забитой пошлыми фантазиями головой? Стоило ему потерять память, как это отразилось даже на сексуальной ориентации?

Е Кэ бросил взгляд на Хэ Чжэнсюаня, который всё ещё не оставлял попыток обсудить, кто будет сверху, а кто снизу. Неужели тот заводил столько девушек в прошлом лишь для того, чтобы скрыть свою истинную ориентацию?

Хэ Чжэнсюань, чувствуя себя под этим взглядом неуютно, тут же забыл о спорах насчет того, кто сверху. Он опустил глаза на собственное тело, после чего, будто что-то вспомнив, резко хлопнул себя по вполне крепкой груди:

— Чего ты всё пялишься? Раз уж тебе так интересно, какое у меня тело, давай проверим на практике! Посмотрим, к чему это приведёт...

Хэ Чжэнсюань стрельнул глазами в сторону Е Кэ, решив, что тот разглядывает его фигуру.

Кто бы мог подумать, что на самом деле Е Кэ и сам не понимал, на что смотрит. Он поднес руку ко лбу, проверяя слегка горячий жар, и когда Хэ Чжэнсюань уже подался вперёд, мягко отвёл его руку в сторону:

— Хватит, перестань дурачиться...

И только в этот момент Хэ Чжэнсюань наконец заметил, что с Е Кэ что-то не так. Придвинувшись ближе, он разглядел, что кожа на лице того покраснела до какого-то болезненного оттенка.

— Е Кэ, что с тобой?

Затем он увидел, как Е Кэ привалился к дивану, полуприкрыв глаза. Из-за жара его воротник слегка распахнулся, а лицо покрылось неестественным, лихорадочным румянцем. Смотри на него с лёгкой усмешкой в уголках губ, Хэ Чжэнсюань снова невольно сглотнул слюну.

На самом деле он действительно очень любил Е Кэ — той самой любовью, которая вызывала вполне определённый физический отклик. И хотя язык у него подвешен хорошо, большую часть времени он говорил искренне: он действительно хотел безжалостно прижать этого мужчину к постели, а затем...

Он и сам не понимал, откуда у него берутся такие мысли. Возможно, всё дело было в том поцелуе в комнате страха в парке развлечений, в том знакомом ощущении; или в той ночи, когда они спали на одной кровати, и в той тарелке теплого жареного риса; или в том моменте, когда он, запертый снаружи в одиночестве, вдруг увидел его, падающего словно с небес; или даже в тех мягких руках и улыбке на губах, что он видел в полусне, когда был ранен. Нельзя было отрицать: первый человек, которого он увидел после потери памяти, пробудил в нём что-то вроде синдрома утёнка. Тем более что Е Кэ так идеально соответствовал его вкусам — стоило лишь взглянуть на него, как самообладание начинало трещать по швам, не говоря уже обо всем остальном.

Ему даже казалось, что он знал этого человека ещё до амнезии. Тот казался ему до боли родным, и у него было стойкое ощущение, что ещё до потери памяти он наверняка уже питал к нему нежные чувства. Именно поэтому привязанность хлынула с такой сокрушительной, неудержимой силой.

Поймав полный беспокойства взгляд Хэ Чжэнсюаня, Е Кэ тихонько усмехнулся, затем слегка выпрямился. Из его ноздрей вырывался горячий воздух. Приблизившись к лицу Хэ Чжэнсюаня, он хрипло произнес:

— Всё твердишь: давай попробуем, попробуем... Не забывай, сейчас ты ничего не помнишь. Ты потерял память и понятия не имеешь о собственном прошлом. И раз ты так настаиваешь на том, чтобы попробовать со мной, откуда тебе знать, не ждет ли тебя дома жена с детьми? Даже если тебе нравятся мужчины, с чего ты взял, что где-то по-прежнему нет любящего человека, который ждёт вестей от тебя? Ты думал об этом? А что, если я отношусь к этому всерьёз, а ты вдруг вспомнишь абсолютно всё и решишь, что больше не хочешь быть со мной? Или что, если мы вообще заклятые враги? Что тогда делать? Е Кэ увидел, что пара фраз буквально ошеломила стоящего перед ним мужчину, и невольно усмехнулся. Из-за сильнейшего жара у него в глазах всё расплывалось. Он попытался подняться и уже собирался пойти в свою комнату, как в следующее мгновение рухнул прямо в объятия Хэ Чжэнсюаня. Тот поспешно подхватил его:

— Е Кэ, Е Кэ, Е Кэ! Почему ты такой горячий?

Из-за стремительно развивающейся лихорадки Е Кэ тут же потерял сознание и провалился в забытье.

Этот жар был точно прописан в первоначальном сюжете, причем дело ограничивалось вовсе не одной лишь температурой. Вот только по изначальной задумке в этот момент неладное должна была заподозрить Лу Нин: она последовала за ним следом и ухаживала за ним всю ночь,

благодаря чему он в конце концов без памяти влюбился в неё, что впоследствии и заложило основу для его перехода на тёмную сторону.

Но из-за того, что он только что сильно разозлился, Лу Нин решила, будто его странный бледный вид вызван исключительно гневом, и не придавала этому никакого значения. Более того, еще до того, как войти, Е Кэ услышал, как Лу Нин уже отвечала на телефонный звонок — на её лице играл такой смущенный и кокетливый румянец, что Е Кэ даже не смог найти предложения, чтобы попросить её остаться. И это после того, как он сегодня специально рассчитал время, чтобы вместе с ней уйти с работы! И всё пошло прахом из-за того масштабного мужского порнофильма из тайника Хэ Чжэнсюаня.

Просто слов нет! Увидев, что Е Кэ потерял сознание, Хэ Чжэнсюань тут же запаниковал и совершенно растерялся. Не раздумывая, он подхватил Е Кэ на руки, отнес в спальню и аккуратно укрыл одеялом. Сразу после этого он бросился за медицинской аптечкой, которую Е Кэ оставлял дома, дал ему жаропонижающее и даже наклеил на лоб охлаждающий пластырь. Наконец, он бережно взял его горячую ладонь и прижался к ней щекой. Внимательно глядя на уже заснувшего Е Кэ, Хэ Чжэнсюань нежно поцеловал его в ладонь. Я же сама не была уверена, поэтому и предложила тебе просто попробовать. Будь ты со мной помягче, я бы точно не стала просто пробовать, а давно уже уложила бы тебя на кровать и переворачивала туда-сюда, а не стояла бы здесь, предлагая попробовать! Жены и детей у меня точно нет. Хотя я и потерял память, некоторые фрагменты всё же удаётся вспомнить. Тот вольный и беззаботный образ в моих воспоминаниях совсем не вяжется с семейной жизнью. К тому же, пусть я и не помню своего прошлого, но знаю себя: я вовсе не из тех людей, кто, имея жену, станет шлаться на стороне. А уж о партнёре-мужчине и речи быть не может — в конце концов, раньше меня окружали исключительно красотки с пышной грудью, тонкими талиями и длинными ногами. Кроме тебя, у меня отроду не было никаких любовников-мужчин... Эх, я же ясно помню, что всегда любил женщин с грудью как можно больше, как же меня угораздило вляпаться в тебя? Если ты и дальше будешь меня не любить, я понесу страшные убытки! К тому же, если ты относишься к этому серьезно, я стану относиться в сто раз серьезнее тебя. Даже если между нами действительно есть вражда, мне плевать, я просто хочу быть с тобой, было бы идеально обнимать тебя и засыпать вместе каждый день... Говоря это, Хэ Чжэнсюань повернулся и запечатлел поцелуй на горячей ладони Е Кэ.

Затем он целовал ее снова и снова, словно никак не мог нацеловаться — даже на ладони человека, сидевшего перед ним.

Мир так огромен, почему же этот человек оказался именно воплощением всех его идеалов? Чем больше Хэ Чжэнсюань думал об этом, тем сильнее переполняло его сердце блаженное удовлетворение.

Целуя ее, он вдруг заметил, что за окном потемнело, и, держа Е Кэ за руку, замер на мгновение.

Похоже, вечером будет гроза!

Вспомнив про их вещи, которые все еще сохли на балконе, Хэ Чжэнсюань тут же легко выпустил руку Е Кэ. Подумав о чем-то, он даже смущенно улыбнулся, затем чмокнул ее в щеку и, сияя так, будто наелся меду, выскочил наружу. Среди бушующего ветра он собрал трепещущие во все стороны вещи и уже собирался с охапкой одежды направиться в комнату, как в следующий миг прямо у него за спиной раздался оглушительный раскат грома.

Увидев это, Хэ Чжэнсюань поспешно закрыл балконную дверь.

В то же самое время Е Кэ, находившийся в спальне, резко распахнул глаза.

В одно мгновение воспоминания и эмоции, бушевавшие в сознании прежнего владельца тела, нахлынули на него с такой силой, что он едва смог с ними справиться.

В конце концов, мать прежнего владельца ушла из жизни именно в такую грозовую погоду. Она была последним родным человеком в этом мире для него — самым любящим и заботливым. В свое время он сжег уведомление о зачислении в престижную старшую школу ради матери, затем отправился надрываться на стройке ради матери, а все последующие стимулы карабкаться вверх были связаны исключительно с матерью. Обеспечить ей лучшую жизнь — вот в чем заключался весь смысл существования прежнего владельца, поэтому после ее смерти он словно лишился хребта: на долгое время погрузился в апатию, уныние и даже дошел до саморазрушения. Именно из-за того периода хандры у него выработался условный рефлекс — едва услышав раскаты грома, он инстинктивно пытался найти укромное место, чтобы спрятаться.

Словно спрятавшись, можно было убежать от горькой правды об уходе матери...

<http://bllate.org/book/21332/2163989>